

Джонатан Троппер
Все к лучшему

Jonathan Tropper
Everything Changes

Джонатан Троппер

Все к лучшему

роман

Перевод с английского
Юлии Полещук

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
Т74

This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Троппер, Джонатан

Т74 Все к лучшему : роман / ДЖОНАТАН ТРОППЕР; пер. с англ. Ю. Полещук. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-17-079960-2

Романы американского писателя Джонатана Троппера “Дальше живите сами” и “Книга Джо” стали бестселлерами и в США, и в России. “Все к лучшему” — история о крутых переменах в жизни молодого жителя Нью-Йорка Зака Кинга, которые начинаются, когда на горизонте возникает его отец, Норм, 20 лет пропадавший неизвестно где. Заку предстоит разобраться в том, кого он любит, как понимать верность памяти погибшего друга, что такое ответственность за своих близких.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-079960-2

- © Jonathan Tropper, 2005
- © Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

*Моим братьям, Илайше и Амраму,
и сестренке Дэсси
С любовью*

От автора

Спасибо вам.

Моей семье: жене Лиззи, которая стоически переносит мои сумасбродства и с невероятным терпением относится к социальным последствиям проявлений моей “творческой натуры”; моим чудесным детям, Спенсеру и Эмме, чья жизнерадостность и любовь не дают мне надолго погружаться в грустные мысли.

Саймону Липскару, моему волшебному агенту, подливающему масла в огонь всякий раз, как пламя моей писательской страсти начинает затухать, и даже тогда, когда горит ярко, потому что у Саймона не за-

балуешь. Отдельное спасибо Дэну Лазару, Майе Николика и прочим замечательным сотрудникам агентства *Writers House*.

Кэсси Эвашевски, моему не менее хитроумному агенту на Западном побережье, которой создать книге рекламу — раз плюнуть. Она всегда знает минимум человек тридцать из разных издательств, которым понравится роман.

Джекки Кантор, моему неутомимому заботливому редактору, чье невероятное остроумие превращает сотрудничество с ней в истинное удовольствие. Если бы Дайан Китон безоговорочно поверила Вуди Аллену в конце “Энни Холл”, получилась бы Джекки, единственный человек из всех, кого я знаю, способный битых десять минут спорить с моим автоответчиком.

Ирвину, Ните, Барб, Сьюзен, Синтии, Бетси и остальным сотрудникам “Бантама”, которые приложили массу усилий, чтобы эта книга дошла до читателя. Итану Беновитцу: он, сам того не ведая, посеял зерно, из которого выросла эта книга. Я бы никогда в этом не признался, но тебе, дружище, наверняка придется найти этому какое-то объяснение.

Роберту Фейлеру — за дружбу и вдохновение, которые, сколько бы ты об этом ни говорил, все равно не дают тебе права на часть гонорара.

Моим фантастически невезучим, пропащим друзьям, а также моим нормальным друзьям, чьи близкие окончательно запутались в жизни, — за то, что каждый день питают мое воображение.

Глава 1

В ночь перед тем, как все изменилось, я просыпаюсь от подземного толчка и инстинктивно тянусь к Тамаре, но, разумеется, никакая это не Тамара, а Хоуп. Это и не могла быть Тамара. И все же последнее время спросонья я каждый раз надеюсь, что в постели рядом со мной Тамара. Наверно, в моих снах — не одном-двух, которые помню, но в мириадах тех, что улечиваются, словно мотыльки, едва успеешь протянуть к ним сложенную ковшиком ладонь, — в тех снах она снова и снова моя. Поэтому каждый раз, просыпаясь, я испытываю тревожное чувство, словно каким-то образом перенесся в параллельную вселенную, где моя жизнь свернула

не вправо, а влево из-за, на первый взгляд, ничего не значащего, но на деле судьбоносного решения, которое я принял, — связанного с девушкой, поцелуем, свиданием, работой или в какой “Старбак” пойти... чего-то в этом роде.

А между тем в реальном мире Верхний Вест-Сайд дрожит, как платформа подземки, дребезжат стекла и мусорные баки на углу, над Бродвеем поднимается пронзительный многоголосый вой автомобильных сигнализаций, разрывая самый тихий, предрассветный час ночи.

— Зак! — верещит Хоуп и хватается за меня. От ее громкого голоса я вздрагиваю, как от подземного толчка, а ее наманикюренные ногти впиваются мне в плечо. Хоуп, не Тамара. Да-да. Красавица Хоуп.

Я открываю глаза и бормочу: “Что стряслось?” — это максимум, на что я сейчас способен. Мы смотрим в потолок; кровать под нами чуть-чуть качается, и мы поскорее встаем. Мои старые добрые трусы с котом Феликсом и ее атласная пижама от “Брукс Бразерс” выглядят так невинно, словно мы перед так неожиданно прервавшимся сном и не занимались сексом. Мы стремительно спускаемся по лестнице в гостиную, но толчки уже прекратились; у окна мы видим голого Джеда, моего

соседа по квартире, который с любопытством таращится на улицу.

— Что случилось? — интересуюсь я.

— Понятия не имею, — рассеянно отвечает Джед, почесывая подтянутый живот. — Похоже, землетрясение. — Он отходит от окна и плетется к дивану.

— Ой! — взвизгивает Хоуп, отворачивается и закрывает глаза.

— А, это ты, — произносит Джед, который только сейчас заметил Хоуп. — Привет.

— Ты не мог бы ненадолго одеться? — от имени Хоуп говорю я.

— Я же не знал, что она здесь, — отвечает Джед, даже не пытаясь прикрыть свою восставшую наготу.

— Теперь знаешь, — тянет Хоуп в своей аристократической манере, которая не перестает меня раздражать.

Я люблю Джеда, но что-то он повадился разгуливать в чем мать родила. Не помню, когда последний раз видел его в рубашке. Один из немногих недостатков соседства с безработным миллионером в том, что ему больше нечем заняться, кроме как смотреть телевизор и маяться дурью. Зато я живу в недавно отремонтированном особняке в Верхнем

Вест-Сайде и вот уже три года не плачу за квартиру. И это на Манхэттене. А значит, я просто счастливчик. Если разобраться, я с лихвой вознагражден за то, что время от времени приходится видеть чей-то болтающийся член. Я хватаю подушку с огромного кожаного дивана, гигантским полумесяцем опоясывающего нашу просторную гостиную, и бросаю Джеду.

— Прикройся, Джек. Ради всего святого.

Джек протирает слипшиеся глаза, а меня тошнит при мысли о его голой заднице на бежевой итальянской коже. Он скрещивает ноги, с забавным видом прижимает подушку к гениталиям и посылает мне свою фирменную безмятежную ухмылку. Хоуп театрально вздыхает и отходит к окну. Джек разбогател, Хоуп же родилась в богатой семье, а это совсем другое дело. Поскольку я не могу похвастаться ни тем, ни другим, мне остается лишь вздохнуть, словно хочу сказать: “Вот так и живу”, — покорно, но не без удовлетворения. Джек — мой лучший друг, хотя и бывает сущим засранцем. Хоуп — моя невеста, я не считаю ее снобкой, но понимаю, почему так может думать Джек. Они полные противоположности, сошедшиеся благодаря мне в одной точке. Правда, внешне они

похожи, как близнецы. Оба красивы от природы: высокие, худые, с густыми волосами и тонкими чертами лица. Выпуклый лоб и крупный нос придают Джеду легкое сходство с европейцем, моделью Кельвина Кляйна; стрижется он коротко, чтобы не причесываться. У Хоуп густые послушные волосы, а прическа частенько подозрительно напоминает последнюю укладку Гвинет Пэлтроу, хотя моя невеста ни за что не признается в таких обывательских симпатиях. По сравнению с этими двумя красавцами я выгляжу простецки, как парень, который выставляет свет во время фотосессии, я удивительным образом связан с ними обоими и при этом вопиюще зауряден. Обыкновенный середняк.

Мы с Джедом познакомились в Колумбийском университете, а после выпуска вместе сняли четырехкомнатную квартиру в развалюхе на углу Сто восьмой и Амстердам-авеню. Он тогда работал аналитиком в “Меррилл Линч”, а я писал длинные занудные пресс-релизы, битком набитые юридической информацией, для одной компании, специализирующейся на пиаре в сфере фармацевтики. Потом Джек уволился из банка, устроился в хедж-фонд, инвестировавший интернет-стартапы, и, как все, кроме меня, к 2000 году стал миллионером. Ко-

гда мыльный пузырь лопнул, Джед уже обзавелся собственным особняком и пригласил меня пожить у него, да к тому же успел продать акции и положить в банк несколько миллионов. Какое-то время он подумывал вернуться на работу в финансовый сектор или создать собственный хеджевый фонд, но потом погиб наш друг Раэль, и Джед, забыв о прежних планах, заявил, что хочет какое-то время просто сидеть дома и смотреть телевизор. Было это без малого два года назад, и, насколько я могу судить, он нашел свое истинное призвание. А разгильватить голым по дому — всего лишь хобби.

Раэль, мой лучший друг с третьего класса, не справился с управлением, когда мы возвращались домой после ночи, проведенной в казино в Атлантик-Сити. Машина покатила под откос на шоссе Гарден-Стейт-паркуэй, врезалась в дерево, перевернулась и свалилась в овраг. Это случилось в два часа ночи, на дороге не было ни души, поэтому помощь подоспела не сразу, Раэль к тому моменту был уже мертв. Впрочем, едва ли бы его удалось спасти: от удара он налетел на руль, который порвал ему все внутренности. Было бы спокойнее думать, что Раэль скончался на месте, но на деле вышло не так. Я это знаю, потому что сидел рядом с ним.

— Неужели правда землетрясение? — по-детски удивляется Хоуп, глядя на перекресток Восемьдесят пятой и Бродвея. Голос ее звучит естественно, и я снова ее люблю.

— Похоже на то, — подтверждает Джед.

Он включает один из местных телеканалов, а мы таращимся в окно, гадая, уж не теракт ли это. После 11 сентября мы понимаем: случиться может все что угодно. Вопли сигнализаций стихают, немногочисленные смельчаки выходят на улицу, чтобы посмотреть, в чем дело. По пятьдесят пятому передают старый фильм с Клинтом Иствудом (городским, не потрепанным, как в вестернах), спустя минуту внизу экрана появляется бегущая строка с сообщением, что да, действительно, произошло небольшое землетрясение. О жертвах и разрушениях пока сведений нет.

— С каких это пор на Манхэттене случаются землетрясения? — говорит Хоуп таким тоном, словно намерена отправить какому-нибудь начальству письмо с жалобой на подземные толчки. — Я здесь всю жизнь живу, и никогда такого не было.

— В Ист-Сайде, может, и не было, — поддразнивает Джед, — а у нас — обычное дело. — Он никогда не упускает случая пройтись по поводу аристо-

кратического происхождения Хоуп. — Урок тебе на будущее: нечего шляться по трущобам.

Джед непринужденно подмигивает мне; сколько я ни бился, так и не сумел этому научиться. Наверно, моим лицевым мышцам недостает подвижности: у меня вечно сводит щеку, и подмигивание смахивает на судорогу, которая едва ли способна произвести на кого-то впечатление.

— Какая же ты все-таки жопа, — напрямик заявляет Хоуп, презрительно глядя на Джеда.

— Да разве ж я жопа! — с этими словами Джед встает, поворачивается к Хоуп спиной и наклоняется. — Жопа вот.

— Фу! — взвизгивает она, оборачивается ко мне и натянуто улыбается, словно хочет сказать: “Хороши твои друзья, ничего не скажешь”.

Благородное происхождение не подготовило ее к парням вроде Джеда, да и меня, если уж на то пошло, и должен сказать, ради любви ко мне Хоуп великолепно приспособилась.

— Пошли спать, — говорю я, взяв ее за руку.

Джед плюхается обратно на диван, и кожаная обивка трещит под ним, как будто кто-то пукнул; а может, Джед действительно выпустил газы, это было бы вполне в его стиле. Но мы не собираемся

дождаться, чтобы это выяснить. Друг включает телевизор и бесцельно скачет по обширной пустыне ночных программ.

— Спокойной ночи, Джед, — кричу я ему с лестницы, но он и ухом не ведет, поглощенный гипнотизирующим сине-зеленым мерцанием 52-дюймового плазменного экрана — именно здесь он последние два года ищет и находит пристанище.

— “Секретные материалы”, — ликует Джед. — Черт. Эту серию я уже видел.

Он просидит так до утра, глядя повторы фильмов и информационные ролики, и его шансы увидеть Чака Норриса растут с каждым часом. Потом он поспит, примет душ, закажет какой-нибудь завтрак и с новыми силами вернется к своему бездумному занятию.

Вернувшись в спальню, я решаю воспользоваться незапланированным подъемом и стащить с Хоуп пижаму, но она решительно отказывается раздеваться, хотя и не против того, что мои руки привольно блуждают у нее под рубашкой.

— Мне рано вставать, — поясняет Хоуп.

Я нежно поглаживаю ее левую грудь — жест, задуманный как соблазнительный, — провожу ладонью по соску и ниже, туда, где мягкая окружность переходит в ребра. Потом снова веду рукой вверх, стискиваю грудь, и та наполняет мою ладонь, не умещаясь в пальцах, как поднимающийся пирог. У Хоуп самое красивое тело из всех, что мне когда-либо доводилось ласкать. Длинный торс венчают две изумительно свежие груди размером с грейпфрут, а высокие овальные соски встают при малейшем прикосновении. Ноги стройные и мускулистые благодаря тренировкам три раза в неделю в “Рибок-клубе”; над ними — попка, похожая на яблоко с картины Магритта, крепкая, но восхитительно мягкая на ощупь.

— Ну давай, — настаиваю я. Трусы на мне едва не лопаются. — Займемся сейсмическим сексом.

— Сейсмическим? — Хоуп с недоумением смотрит на меня.

— Ага.

Я постоянно пополняю обширную классификацию видов секса, которыми стоит заняться. Вот лишь немногие из них: секс с новым партнером (основной вид, всегда забавный), секс в душе (на самом деле технически это сложнее, чем пока-

зывают в кино), дружеский секс на безрыбье (эротическая разновидность аварийного пайка), секс по пьянке (тут все понятно), секс в отеле (можно перевернуть все вверх дном, убираться все равно не придется) и утренний секс (о поцелуях с языком и речи быть не может). Во всем, что касается секса, я сущий подросток.

Но на Хоуп мои старания не производят никакого впечатления.

— У меня завтра аукцион маринистов, — говорит она и решительно убирает мою руку из-под своей пижамы.

— Ты хоть понимаешь, до чего нам повезло? — не сдаюсь я. — Мало шансов, что на Манхэттене снова случится землетрясение.

— Да уж больше, чем на то, что мы сейчас займемся сексом, — зевает Хоуп, переворачивается на спину и закрывает глаза.

— Ну давай, я быстро.

— Прости, но я хочу спать.

— А как же мои желания?

Хоуп закатывает глаза.

— Мы занимались сексом три часа назад, — отвечает она.

— Ведь правда было потрясающе?

Хоуп открывает второй глаз.

— Даже земля содрогнулась, — нежно улыбается она, причем, что редкость, без привычной иронии.

Я люблю эту ее улыбку, до чего приятно чувствовать себя ее причиной и следствием.

— Вот видишь, — настаиваю я.

Хоуп тянется ко мне и чмокает меня в губы.

— Спокойной ночи, Зак.

Ее тон не оставляет надежды на то, что она передумает. Не то что бы я считал, но, сдается мне, с тех пор как зашла речь о помолвке, мы занимаемся сексом намного реже. Я перекатываюсь на живот, напрягшийся член утыкается в простыню, и это прикосновение причиняет мне боль. Потом переворачиваюсь обратно на спину и смотрю на засыпающую Хоуп. Мне нравится, как она складывает руки под щекой, точно ребенок, притворяющийся спящим, нравится, как поджимает колени, сворачиваясь клубочком. Не так-то часто я вижу Хоуп, которая лежит спокойно, так что сейчас люблюсь ее красотой и, как всегда, удивляюсь слепому случаю, который привел этого ангела в мою постель.

— За что ты меня любишь? — не раз допытывался я у Хоуп.

— У тебя большое сердце, — ответила однажды она. — Ты всю жизнь заботишься о братьях, даже не задумываясь о том, сколько для этого нужно сил и любви. Ты уверен, что должен сам всего добиться, что ничего в жизни не дается даром, а это значит, помимо всего прочего, что ты никогда не станешь воспринимать меня как должное, — сказала она. — Все парни, которые у меня были, любили меня за мои возможности, за то, чем я стану для них, когда мы поженимся, видели во мне лишь дополнение к богатству. Ты же не строишь на меня грандиозных планов. Ты любишь меня такой, какая я есть, а это значит, что ты всегда будешь меня любить, вне зависимости от того, кем я стану.

— Почему ты меня любишь? — шепчу я ей.

— Потому что я знала, что ты сейчас меня об этом спросишь, — бормочет она, не открывая глаз.

Когда я засыпаю, мне снится Тамара.

Жизнь по большей части неизбежно превращается в рутину, случайное совпадение времени и счастливых случаев, состоящее из множества компонентов, за исключением забытых. Но когда

я окидываю беглым взглядом свою жизнь, у меня перехватывает дыхание. Жизнь, которую я веду, — моя собственная заслуга: соседство с плейбоем-миллионером, помолвка с красавицей, чья кровь голубее ясного зимнего неба. Я целыми днями вкалываю в офисе, а потом возвращаюсь домой, в шикарный особняк, и тусуюсь с красавицами и рок-музыкантами. Все это не случайность. Я сам всего добился. У меня был план.

И я собираюсь с большой помпой пустить все к чертям.

Утро. Даже не открывая глаз, я понимаю, что Хоуп давно ушла. Проснулась в шесть, чтобы перед работой принять душ и переодеться у себя дома. Хоуп работает в “Кристиз”, оценивает картины XIX века, которые потом продадут с аукциона старомодным чванливым богачам. Она, конечно же, ни за что в этом не признается, но ее подташнивает от моего душа с бутылками шампуня в липких подтеках, щербатыми кусками мыла, разбросанными ватными палочками и валяющимися повсюду од-

норазовыми бритвами. Я не раз предлагал купить ей шампуни и бальзамы “Бамбл энд Бамбл” и гель для душа “Берберри”, но Хоуп бледнеет при мысли об этом, считая, что до брака пользоваться одной ванной неприлично. Сказать по правде, она не так давно стала оставаться на ночь, и то в основном по выходным, — любезная уступка в ответ на бриллиант, который я — невероятно, но факт — не так давно надел ей на палец.

Я переворачиваюсь на спину и, как и каждое утро за последние три года, с любовью и удивлением оглядываю свою комнату. Она большая, квадратная, примерно шесть на шесть метров. Я не стал загромождать ее мебелью, чтобы сохранить ощущение простора. В комнате стоит широкая двуспальная кровать и небольшой письменный стол вишневого дерева из “Дор стор”, на нем черный 18-дюймовый плоский компьютерный монитор, зарядка для сотового, радиотелефон и зарядка к нему, несколько фотографий, рецептов, квитанции из химчистки и стопка разнообразных писем и документов примерно за полгода, которые давно пора разобрать, да все никак руки не дойдут. Книжные шкафы до потолка набиты всякой всячиной: тут и дешевые издания классиков (больше для виду),

и современная проза, несколько лучших романов из серии про “Звездный путь”, распечатки сценариев, скачанных из интернета да подборка “Эсквайр” за три года. Напротив кровати — тридцатидвухдюймовый “Панасоник” с плоским экраном и встроенным *DVD*-плеером, видеомагнитофон и музыкальный центр “Фишер”. В центре комнаты нет ничего, кроме толстого темно-красного ковра, на нем то и дело валяется одежда, которую я уже не ношу. На одной стене висит оригинальный постер к фильму “Рокки”: окровавленный, еще не накачанный стероидами Сталлоне падает на руки Адриана. На стене напротив — знаменитая репродукция Кандинского, подарок Хоуп. Между письменным столом и книжным шкафом — дверь в ванную. В моей последней квартире спальня была размером с эту ванную.

Направляясь в душ, я замечаю свой костюм, который Хоуп повесила на ручку двери, налепила желтый стикер и написала изящным почерком: “Идеально подойдет для торжества, но нужно отдать в химчистку. С любовью, Х.” В эту субботу ее родители устраивают в нашу честь прием у себя дома, чтобы официально объявить о помолвке. Несмотря на то, что явно не одобряют выбор до-

чери, хотя, кажется, Вивиан, матери Хоуп, я начинаю нравиться: моя эмоциональность, свойственная выросшему в пригороде человеку среднего класса, кажется ей до смешного оригинальной. Я разглядываю записку Хоуп и выбранный ею унылый темный костюм; этикетку “Мо Гинсбург”¹ она явно не заметила, иначе ни за что бы его не взяла. Сегодня понедельник. “Черт”, — ни с того ни с сего говорю я.

Моя ванная оформлена в спокойных серых тонах: плитка, обои, раковина, ванна и туалет выдержаны в одной цветовой гамме, с которой приятно контрастируют белые полотенца на блестящей металлической вешалке. Словно компромисс между сном и явью — приглушенная, функциональная, не раздражающая глаз.

Писая, я замечаю нечто странное. Моя моча, по утрам обычно ярко-желтая, как Большая Птица из “Улицы Сезам”, сейчас бесцветная; вдобавок к струе примешиваются случайные капли цвета кока-колы. Приглядевшись, я замечаю, что краски разделились и в унитазе плавает маленький кроваво-красный сгусток. В животе у меня холодеет, под-

1 Универмаг мужской одежды, как правило, уцененной.

жилки дрожат. Тревожно насупившись, я изучаю свое отражение в зеркале.

— Похоже, дело плохо, — говорю я.

Зайдя в душ, думаю, что же это такое и не избавит ли оно меня каким-то образом от вечеринки по случаю помолвки.